

Звуки свирели смолкли.

Чу Сунхуэй, держа свирель на весу, подцепил ею прядь волос Чжао Мусяо, упавшую за перила — черные пряди приятно холодила утренняя роса.

"И впрямь заснул."

За свою жизнь он повидал немало наемников и мастеров соблазнения, но с подобной тактикой сталкивался впервые. Что это было? Еще одна разновидность игры в «ближе-дальше»? Решил сначала завоевать его доверие и притупить бдительность?

В Чу Сунхуэи разыграл азарт, проснулось странное предвкушение — в конце концов, это было забавно.

Он поигрывал свирелью, время от времени касаясь ею окружавших лодку цветов и листьев. От нечего делать он сорвал пару штук: цветки лотоса оказались крупными, пышными и ярко пылающими.

Спустя мгновение из-за горизонта вылетел голубь. Промчавшись над лодкой, он легко клюнул Чжао Мусяо в макушку и опустился прямо на ладонь Чу Сунхуэя. Тот отвязал записку, рассеянно погладил птицу по перьям и пробежал текст глазами по диагонали.

Договорив последние капли личи-вино, Чу Сунхуэй бросил взгляд на Чжао Мусяо, который явно не собирался просыпаться в ближайшее время, легко поднялся из-под тента, собрался с силами и одним прыжком перемахнул через заросли лотоса и водную гладь, очутившись на другой лодке.

Личный телохранитель Цяньшань тут же доложил:

— Ваша Светлость, а этот маленький красавчик... тьфу ты, этот лазутчик так и останется там? Если он продолжит спать, проспит еще часа два, а то и больше. Его же комары в камышах искусают до неузнаваемости, какая жалость.

Чу Сунхуэй бросил на него многозначительный взгляд.

Цяньшань мгновенно захлопнул рот.

Другой телохранитель, Цзянье, заметил:

— Этот шпион неведомо откуда взялся, ведёт себя скрытно и при этом откуда-то знает о передвижениях Вашей Светлости — недооценивать его нельзя. Полагаю, стоит приглядеть за ним и вытащить на чистую воду того, кто за ним стоит, чтобы он не портил Вашей Светлости летний отдых.

Эти слова пришлись Чу Сунхуэю по душе.

— Ступай проследи, выясни, кто он такой.

Цзянье тут же отрапортовал:

— Слушаюсь!

И с торжествующим видом показал Цяньшаню жест тайного злорадства, после чего легкой поступью пробежал по воде, очутился на камышовой лодке среди цветов, сорвал лист лотоса и демонстративно помахал им остолебневшему Цяньшаню.

Цяньшань:

— ...

Подлец!

Ленивый голос Чу Сунхуэя раздался из глубин лодки:

— Чего застыли? Трогайте.

— Есть!

Лодка мягко заскользила по реке.

Когда Чжао Мусяо проснулся, его обдал прохладный ветерок. Он долго хлопал глазами, соображая, что вокруг него расстилается сплошной ковер из зелени и розовых бутонов. В лодке он остался совсем один, а жених, господин Чу, куда-то исчез. Оглядевшись по сторонам, заглянув за борт и задрав голову к небу, он вновь получил легкий удар листом лотоса по макушке.

Только он собрался подняться, как под ногой что-то хрустнуло. Нашупав предмет, он с удивлением обнаружил свежий цветок лотоса и небольшой сверток, похожий на ароматное саше.

Раздвинув занавеску, он увидел на носу лодки человека, который яростно греб веслами, безуспешно отмахиваясь от назойливой мошкеры на лице и шее и бормоча себе под нос:

— Ну и работенка, знал бы — ни за что не согласился.

Услышав шорох сзади, Цзянь хлопнул себя по щеке, прикончив очередного комара, и обернулся. Взгляд его упёрся в безупречно гладкую, чистую кожу Чжао Мусяо — ни единого следа от укусов, ни единого покраснения. А заметив в его руках саше, телохранитель испытал одновременно укол зависти и глубокое потрясение.

Разве это не личный оберег самого маркиза?!

Чжао Мусяо сначала подумал, что это господин Чу. Но по фигуре и голосу незнакомец явно не подходил. Осторожно прищурившись, он спросил:

— Вы кто? А где господин Чу?

— Я лодочник, — ответил Цзянь. — У того господина возникли срочные дела, он ушёл раньше. Увидев, что вы крепко спите, он не стал вас тревожить и велел мне доставить вас на берег.

Работая веслами, он уверенно повёл суденышко сквозь заросли.

— Господин Чу уехал из-за тех разбойников? — поинтересовался Чжао Мусяо.

— Именно так, — ответил Цзянь, украдкой оценивая выражение его лица. Никакой хитрости или проницательности — абсолютная простота и наивность.

Чжао Мусяо охватило беспокойство, смешанное с недоумением: как он мог так вырубиться? Проспать столько времени и даже не заметить ухода жениха! Пока он размышлял об этом, с реки донёсся слабый оклик — кто-то звал его по имени. Прислушавшись, Чжао Мусяо узнал голоса Чжао Сяня и А-Туна и попросил лодочника повернуть в ту сторону.

Вскоре впереди показался силуэт лодки, а затем стали различимы человеческие фигуры.

Чжао Мусяо замахал рукой.

Должно быть, он слишком засиделся, раз А-Тун и остальные отправились на поиски.

Стоя у борта, Чжао Сянь наконец заметил целого и невредимого Чжао Мусяо с расцветенным отдохнувшим лицом и облегченно выдохнул. От избытка чувств его нога соскользнула, и он свалился за борт.

Плывать он совершенно не умел, поэтому принялся бешено молотить руками по воде, истошно вопя:

— Спасите!

Чжао Мусяо в испуге даже не задумывался: он сиганул в воду вслед за ним и мгновенно вытащил барахтающегося родственника наверх. Прокашлявшись и выплюнув воду, Чжао Сянь быстро пришёл в себя.

— А-Сянь, ты...

Не успел Чжао Мусяо и слова сказать, как Чжао Сянь перебил его с запыхавшимся видом:

— Я вообще-то не тебя искал! Я... я просто собирал лотосы! Точно, лотосы!

Чжао Мусяо растерянно оглядел его руки:

— А где же цветы?

— Э-э...

Мальчик на побегушках по имени Цзитун проявил чудеса сообразительности, тут же сунув ему в руки те самые цветы, что лежали на дне лодки.

Чжао Сянь ухватился за них как за спасательный круг, возвращая себе уверенность:

— Вот же они! Видишь? Это зеленые листья, это розовые цветы, пахнут чудесно... Из них ведь получаются лучшие супы! Ты-то небось и не пробовал!

Чжао Мусяо тихо рассмеялся:

— Пробовал, как раз сегодня господин Чу угощал. Кстати, А-Сянь, а ведь господин Чу на самом деле очень хороший человек. Он опоздал, потому что в дороге столкнулся с разбойниками.

Чжао Сянь опешил, чувствуя себя неуютно:

— А он... сам-то где?

— У него срочные дела, он уехал раньше, а я вот тоже возвращаюсь.

Вглядевшись в лицо Чжао Мусяо, Чжао Сянь не заметил в нем ничего подозрительного. Он сам еще не до конца понимал, как этот чужак умудрился миновать ворота и уехать из беседки Циньфэн в другую сторону, но раз Чжао Мусяо выглядит таким довольным, значит, о подмене в записке тот ничего не узнал.

Однако совесть все равно была не чиста.

Вернувшись домой и переодевшись, Чжао Сянь тут же побежал в кабинет отца, будто разыскивая старинный манускрипт, и нарочно опрокинул подсвечник, спалив то самое злополучное письмо Чу Сунхуэя.

Получив свою порцию нагоняя, он наконец успокоился. "Ха-ха, теперь концов не сыщешь!"

— Вечно ты все делаешь спустя рукава, — с тяжелым вздохом покачал головой князь Цзин.

Впрочем, углубляться в детали он не стал. Нахмурившись, он перевёл взгляд на Чжао Мусяо:

— Он действительно ни словом не обмолвился о помолвке и той подвеске?

Чжао Мусяо бережно прижимал к груди свежие цветы лотоса:

— Господин Чу просто забрал залог себе, но возвращать не стал. Отец, мама, кажется, мы и вправду несправедливо судили его — он действительно хлопочет о семейном поместье, а сегодня по дороге даже отбивался от разбойников, слава богу, цел.

Он легонько покачивал ногами, сидя на табурете, а его озаренные улыбкой глаза излучали полное умиротворение — по всему было видно, что настроение у него прекрасное.

— Не вернул залог и ничего не сказал о расторжении? — удивилась княгиня. — Неужели он не хочет отменять свадьбу?

Довольно неожиданно.

Хотя родители испытывали определенные опасения, видя, как сильно сын привязался к жениху и как восторженно он отзывался о нем после возвращения — какой он внимательный, заботливый, красивый, статный и как виртуозно играет на свирели, — они решили уступить и во всем поддерживать его.

Нравится — пусть общаются дальше, в конце концов, заведут нового друга. И пусть вокруг поговаривают о былом величии семьи, сейчас они сидят тихо, потеряв былое влияние, да и никто за ними особо не следит. Наконец, на крайний случай, их брак вообще-то благословен самим императором.

После ужина Чжао Мусяо устроился в плетеном кресле, прикладывая к глазам целебные травяные компрессы. В тишине ночи его слух обострился еще сильнее: он отчетливо слышал стрекотание цикад в саду, возню А-Сяня и шаги слуг.

А еще — легкий, отчетливый шорох шагов по черепице крыши.

"Кто-то есть?" — удивился Чжао Мусяо и сорвал с глаз белую повязку.

Оказалось, всего лишь птица.

Отвар для примочек по рецепту покойного наставника оставлял после снятия короткие минуты кристальной ясности зрения. Он любил именно этот момент суток, когда мог разглядеть тихий лунный свет, фонари под карнизами и покачивание листьев на ветру.

Наклонившись, Чжао Мусяо поднял с земли красивый кленовый лист и улыбнулся, мысленно представляя, каково это — видеть мир во всей полноте.

«Со свистом» сорвавшись с ветки, лист полетел вперёд, точно пущенная из тугого лука стрела.

У самого подножия гор Чу Сунхуэй небрежным движением поймал лист двумя пальцами и, лишь слегка качнув запястьем, заставил его прорезать воздух с холодной, почти мечевой свирепостью. Лист просвистел в миллиметре от перекошенного от ужаса лица. Бандит даже не успел смахнуть выступившую капельку крови, как раздался глухой стук — кто-то сорвался с дерева и теперь катался по земле, захлебываясь криками боли, а вокруг мгновенно распространился густой запах крови.

Чун Сунхуэй остался слегка недоволен. В темноте двигаться тяжело, даже точность уже не та.

— Великий герой, помилуй! — бандит принялся отбивать поклоны, колотясь лбом о землю. — Ничтожный слепцом был, глаз не разглядел горы! Как посмел я, глупец с медвежьим сердцем и леопардовой желчью, заступить дорогу самому господину! Больше ни за что не посмею! Но всё, что я сказал — сущая правда! Эту нефритовую подвеску мы и впрямь пару дней назад отобрали у одного книжника, что приехал из Юйчжоу. Глаза у меня кривые, откуда же мне было знать, что вещь такая дорогая...

Цяньшань доложил:

— Ваша Светлость, дело обстояло именно так. Подчиненный навёл справки о том книжнике: зовут его Чу Суй, родом из Линьчжоу, сын бывшего хуанмэнь шилана Чу Юня, который впал в немилость и был сослан. Ну а откуда у него эта подвеска... тот книжник еще сегодня утром уехал из города. Простите за гнев, Ваша Светлость, но прошу дать еще немного времени.

Чу Сунхуэй махнул рукой.

Цяньшань тут же скрутил всех бандитов, подвесил их вниз головами на деревьях и строго-настрого приказал не издавать ни звука.

Чу Сунхуэй снова подобрал с земли листок и, запутывая их по очереди, стал методично перерезать веревки, тренируя ночное зрение и меткость.

Бандиты летели вниз, отчаянно заикаясь от боли, но пикнуть не смели, проклиная своё везение — надо же было умудриться нарваться на такого крутого мастера.

Убедившись, что всё готово, Чу Сунхуэй наконец отпустил их. Шайка разбежалась во все

стороны, испуганная до смерти.

Цяньшань сплюнул:

— Ишь распустились разбойники! Интересно, чем вообще занимается этот линьчжоуский цыши, раз нашему маркизу приходится самому с ними возиться.

Чу Сунхуэй улыбнулся.

Линьчжоу и впрямь оказался превосходным местом.

Стоило ему только ступить на горную тропу Чжучжишань в пределах Линьчжоу, как его тут же попытались ограбить разбойники. А поскольку Чу Сунхуэй как раз утомился от долгой дороги и был не в духе, он с превеликим удовольствием отлучал банду по первое число, да вдобавок совершил «конфискацию», вытащив из их вонючего логова немало ценностей.

Почти всю добычу он велел отправить назад, кроме этой подвески, явно не имевшей отношения к простым мирным вещам.

Чу Сунхуэй поигрывал красным шнурком, позволяя нефритовому кулону покачиваться в воздухе. Даже в густой ночной тьме можно было различить безупречное мастерство тончайшей резьбы и теплый, маслянистый блеск отборного камня. Вырезанный на нефрите иероглиф «Сяо» едва заметно укутывался в лунный свет.

"Сяо?"

Чу Сунхуэй невольно вспомнил ту самую бамбуковую свирель — и того хитрого маленького полуслепца. Он издал короткий цокающий звук:

— Сколько времени прошло, а Цзянь все еще не вернулся?

Цяньшань тут же поддакнул:

— Точно! Наверняка где-то прохлаждается вместо службы!

Едва он договорил, как из темноты, тяжело отдуваясь, выбежал Цзянь. Не забыв бросить злобный взгляд на Цяньшаня, он почтительно доложил:

— Маркиз, ваш подчиненный неотлучно вёл тайное наблюдение.

Чу Сунхуэй приподнял брови, явно заинтересовавшись:

— О? И что же удалось выяснить? Неужели их главная тактика заключалась в том, чтобы притворяться слепым и играть в холодность перед моим лицом?

— Отвечая Вашей Светлости, ваш подчиненный полагает... — Цзянь замялся, смущенно кашлянув. — Кхе, кажется, здесь вышла небольшая путаница.

Стараясь сдержать улыбку и придавая лицу максимально серьезное выражение, он продолжил:

— Того юношу зовут Чжао Мусяо, он старший сын князя Цзина, которого недавно вернули в семью. Зрение у него действительно слабое. А в беседе Цинлань... кхе, он вовсе не собирался

подстергать Вашу Светлость специально. Он просто назначил встречу в беседке со своим женихом — тем самым Чу Суем. Нефритовая подвеска, что у вас в руке, как раз и есть их парный залог помолвки.

Цзянье подытожил:

— Маркиз был в белых одеждах, при вещковатом залоге, а фамилия «Чу» звучит точно так же, как ваше «Чу» в имени. Из-за череды случайных совпадений этот юный слепец просто перепутал людей и принял Вашу Светлость за своего жениха Чу Суя.

Чу Сунхуэй: «?»

Чу Сунхуэй: «.....»

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/18550/1793242>